

В БРОНИСЛАВА
ОНСОВИЧ

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию
«НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Карина Демина

Одиночество и тьма. Одинокый некромант
желает познакомиться
Одиночество и тьма. На краю одиночества

Бронислава Вонсович

«Гимназистка. Клановые игры»
«Гимназистка. Нечаянное турне»

Франциска Вудворт, Екатерина Васина

«Особый случай»
«Особое предложение»

Марина Ефиминюк

«Между двумя мирами. Школа выживания»
«Между двумя мирами. Сердце Абриса»
«Пряная штучка»

Галина Герасимова

«Механика невезения»

Юлия Риа

«Из стали и пламени»

Кристи Кострова

«Горничная для некроманта»

Тереза Тур

Я не ведьма

Анна Рэй

Ассистент для темного

Юлия Шкутова

Архивные истории. Говорящая с призраками
Проклятая

Екатерина Флат

Лето любви. Тайные свидания

Варя Медная, Алена Савченкова

Лорд на исправительных работах

В БРОНИСЛАВА
ВОНСОВИЧ

— ГИМНАЗИСТКА —
НЕЧАЯННОЕ
ТУРНЕ

Издательство АСТ
Москва

... ГЛАВА 1 ...

Помнится, я мечтала расстаться со вконец опостылевшей гимназической формой и носить что-нибудь не столь казенное, зато элегантное. Мои мечты исполнились только в первой части. Собственно, сложно найти что-то элегантное, подбирая одежду среди поношенной. Можно было сколь угодно успокаивать себя, что всего лишь пытаюсь соответствовать выбранному образу, но на деле мне просто катастрофически не хватало денег. Свою одежду я взять не могла: она бы меня непременно выдала, да и если бы не выдала, даме в возрасте девичья одежда не подходила ни по фасонам, ни по цветам. А значит, траты на одежду были неизбежны. На одежду и большой саквояж. Эх, нужно было аванс просить с Мэннинг. Не факт, что она его дала бы, конечно...

Я вздохнула и с новой силой принялась сбивать цену. На самом деле торговец куда сильнее хотел отделаться от выбранных мной вещей, чем я их купить. Он это чувствовал, поэтому неохотно, но шел на уступки, но так медленно, что нам обоим грозило состариться раньше, чем прийти к компромиссу.

— Сударыня, эту горжетку носила жена генерала, а вы хотите, чтобы я вам ее подарил, — укорил торговец, тряся упомянутой горжеткой у меня перед носом.

Иллюзия действовала на отлично, и пока мой собеседник ни на миг не усомнился, что видит перед собой взрослую даму, а не юную барышню. Не очень обеспеченную даму, желающую прилично выглядеть. Поэтому меха, даже такие потертые, мне были жизненно необходимы: без них выбран-

ное пальто выглядело совсем уныло. Конечно, я не должна затмевать мисс Мэннинг, но с такими мехами я не превзойду даже Грызельду, не говоря уж об оперной диве.

— Если и носила, то в то время, как когда ее муж был еще лейтенантом, — парировала я, с трудом удерживаясь от чихания.

Надеюсь, эта мелкая взвесь непонятных частиц с горжетки — пыль или порошок от насекомых, а не следы пиршества моли. В последнем случае при сильном встряхивании с горжетки посыплется уже не только пыль, но и клочья меха.

— Зачем нам везти меха из-за границы, если у нас свои прекрасные?

— Из-за границы?

— А где вы у нас найдете лейтенанта? — столь же удивленно ответил торговец. — Разве что на флоте, но тогда он дослужился бы до адмирала. Нет, сударыня, меха что ни на есть действительной генеральши. Настоящий сибирский песок, с таким в любом обществе не стыдно показаться. Даже к вечернему платью подойдет. Берете?

С настоящим сибирским песцом мне и без того придется показываться в обществе. Точнее, не мне, а мисс Мэннинг, а я иду в качестве оплачиваемого приложения. Но увы, того песка к пальто не приложишь, пусть он и идет бесплатно, а этот выглядит куда хуже.

— За такую цену я могу купить новые меха.

— Сударыня... — укоризны в голосе торговца хватило бы на целый торговый центр. — Эти меха почти новые, и я отдаю их вам почти даром. Просто компенсирую хранение.

— В банковской ячейке в течение ста лет? Не очень-то они и сохранились. Наверное, условия были неподходящими.

Похоже, мы оказались в патовой ситуации: не желали уступить ни он, ни я. Я — потому что хоть меха мне были нужны и эти здесь были самыми приличными, не могла позволить себе расстаться с запрашиваемой суммой. Торговец — из чистой вредности или, как вариант, из профессиональной гордости, не желая признавать мое первенство

в нашем с ним торге. А ведь вещи я уже выбрала и забрала бы хоть сейчас, но только меха придадут им нужную респектабельность. И время катастрофически уходит.

— Эх, сударыня, — вздохнул торговец. — Только ради вас. — Он вытащил из-под прилавка муфту в комплект к горжетке. — Добавляете рубль и забираете все. И это мое последнее слово.

Муфту я скептически повертела. Мех с нее, конечно, не осыпался, но от этого она новее не выглядела: по потертям было хорошо понятно, почему от нее избавились. И все же... все же к горжетке она подходила прекрасно, а горжетку я уже считала своей, поэтому я с тяжелым вздохом предложила:

— Пятьдесят копеек. И забираю. По рукам?

Итак, я оставалась почти без денег. Но, как ни крути, если бы я даже не стала покупать меха, на поезд мне уже не хватило бы, а мисс Мэннинг обещала хорошо заплатить.

— По рукам, — с облегчением выдохнул торговец и протянул руку.

За деньгами, разумеется, а не чтобы скрепить сделку уверенным мужским пожатием. С деньгами я рассталась неохотно, но быстро. Время не просто поджимало, его практически не было.

Отвод глаз я наложила при выходе из лавки, а потом побежала совершенно неприличным образом, благо никто меня сейчас не видел. В дом Владимира Викентьевича успела попасть до появления хозяина и даже в свою комнату поднялась, ни с кем не столкнувшись. Кухарка, правда, что-то пробормотала про гуляющие сквозняки, когда я проходила мимо, но проверять, откуда те взялись, не стала и, думаю, минут через пять уже благополучно про них забыла.

У себя в комнате я разложила принесенные вещи на кровати и вытащила армейские учебники. Где-то в них был раздел по бытовым плетениям, а моя покупка нуждалась и в стирке, и в крахмаливании, и в отглаживании. Как ни странно, первым мне попало плетение для ухода за мехом, его я и использовала с внутренним трепетом. Этак

ошибешься совсем немного, и дальше придется ухаживать уже за кожей без единого волоска. Права на ошибку у меня не было.

Поэтому плетение я строила особенно тщательно, а после использования даже зажмурилась, опасаясь увидеть результат. Когда открыла глаза и увидела посеревший мех, похолодела. Но это оказалась всего лишь сконцентрировавшаяся пыль, которую я удачно стряхнула за окно. Мех стал поприличнее и даже заблестел, хотя новым его, конечно, никто не назвал бы. Песец второй свежести...

Остальную одежду обрабатывать было не столь страшно; в конце концов, плетения я применяла по очереди на каждой вещице, поэтому, испортить я что-то одно, следующие останутся в целости. Но ничего не испортилось, слава богу. Или богам? Если уж считать этот мир своим, то, наверное, пора следовать его правилам?

Долго раздумывать над философскими вопросами я не стала, почистила последнее — увесистый саквояж с чуть погнутом замком, который тем не менее хорошо закрывался. И в этом случае военное плетение не подвело: кожа приняла пусть не новый, но ухоженный вид, а металлические детали заблестели. Хорошенько потряся им, чтобы уж наверняка никакого мусора внутри не осталось, я заполнила его купленными вещами, оставив на завтра только длинную темно-синюю юбку и белую блузку с кружевным жабо, посчитав, что такая одежда переводчице подойдет. В саквояж же полетели и книги по магии, с вложенными в первый том документами и шитовским направлением. Больше я ничего брать не собиралась.

Я едва успела забросить все на шкаф и прикрыть отводом глаз, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не наткнулся случайно или целенаправленно, как горничная постучала и сообщила, что Владимир Викентьевич ждет меня на ужин.

— Елизавета Дмитриевна, выглядите вы весьма взволнованной. Что-то случилось? — пронизательно поинтересовался он, едва я спустилась в столовую.

— Фаина Алексеевна случилась, — почти не покривила я душой.

Действительно, не устрой мне княгиня того, что устроила, я бы и не подумала о побеге до окончания гимназии. Но поскольку мне ее и так окончить не дадут, будем выполнять пункты плана обходными путями.

— Ох, Фаина Алексеевна чересчур усердствует, — вздохнул Владимир Викентьевич. — Она не слушает никаких доводов. Возможно, будь вы к ней повнимательней...

— Вот еще, — вскинулась я. — Может, мне все ее желания по первому требованию выполнять? И клятву полного подчинения принести? Чтобы уж совсем, так сказать, облегчить ей жизнь. Назначила она меня, видите ли, себе в преемницы. А меня она спросила?

— В таких вопросах согласия не спрашивают, — удивленно отвечал Владимир Викентьевич. — Это большая честь для вас, если она действительно так сказала.

— Сказала, — подтвердила я. — Сегодня сказала. Только зачем оно мне?

— Сила? Власть?

— А будут ли они? Пока я вижу одни ограничения и желание княгини все делать за меня. Увольте от такого счастья.

— Фаина Алексеевна желает вам блага, — возразил он. — Разумеется, как она это понимает. Но быть главой одного из крупнейших кланов Российской империи не так уж и плохо, хотя, конечно, обременительно. Разумеется, вам придется еще многое узнать, но...

— Ах, Владимир Викентьевич, давайте поговорим о чем-нибудь другом, — взмолилась я. — От разговоров о Фаине Алексеевне у меня полностью пропадает аппетит.

Аппетит у меня полностью пропал от задуманной авантюры, но в этом признаваться по меньшей мере неблагодарно. Владимир Викентьевич не поймет, почему я собираюсь сбежать от силы и власти в неизвестность. Но пока мне не предлагают ни первого, ни второго, только манят их призраками, пытаюсь получить полный контроль над моей жизнью. Индейское национальное жилище вам, ваша светлость, а не управляемая я. Возможно, и желание выдать меня замуж поскорее за кого попало проистекает из желания сделать мою личную жизнь таковой, чтобы я с радостью посвя-

тила себя всю чему-нибудь другому. Работе на благо клана, например.

Размышляя на эту тему, я без особого желания пережевывала пищу, даже не обращая внимания на то, что ем. Владимир Викентьевич делился новостями Ильинска, обходя щекотливые темы. Так, об отмене концерта мисс Мэннинг не было сказано ни слова, целитель лишь посетовал на скудость культурных мероприятий в городе в этом сезоне. И об отсутствии ярких и интересных статей в городских газетах. Ничего, скоро им будет о чем писать. Уверена, пропажа почти наследницы клана не пройдет незамеченной. Это куда интересней дуэли поручика с подпоручиком из-за несуществующей невесты. То есть нельзя, конечно, сказать, что несуществующей, но однозначно — не невесты.

Утром я как ни в чем не бывало отправилась в гимназию. Владимир Викентьевич меня подвез, а охранник остался снаружи, поскольку на занятия его все равно не пускали, мотивируя тем, что посторонним в гимназии делать нечего. Я же, как только вошла, сразу бросилась искать Оленьку, потому что оставалось одно важное дело, которое непременно следовало утрясти до отъезда. Хорошо, что подруга как раз была в гардеробе и мне не пришлось ни раздеваться, ни искать ее.

— Оля, у меня к тебе большая просьба, — торжественно сказала я. — Когда будешь писать брату, вставь туда фразу: «Все идет по плану».

— То есть написать, что ты передаешь, что все идет по плану? — удивленно уточнила она. — По какому плану и когда это вы успели о нем договориться?

— Нет, про меня упоминать не надо. Просто напиши эту фразу, можешь подчеркнуть, но и только. Хорошо? Не забудь, очень прошу.

— Хорошо. А...

Спросить она больше ничего не успела, потому что я бросила на себя полог и помчалась к выходу. Если я собираюсь уехать сегодня с Мэннинг, тянуть нельзя. Двери в гимназии постоянно открывались и закрывались, поэтому мой охранник, увлеченно болтавший с дворником, на лишнее открывание внимания не обратил.

Я же рванула к дому Владимира Викентьевича, мой план слишком зависел от времени, чтобы не переживать о стремительно улетающих минутах. В дом я прошмыгнула уже привычным черным ходом, стараясь как можно медленнее и тише открывать дверь. Но думаю, что даже будь я не под отводом глаз, меня бы не заметили, настолько увлеченно кухарка с горничной что-то обсуждали.

В своей комнате я переоделась и добавила в саквояж всякую гигиеническую мелочовку: расческу, зубную щетку, зубной порошок. Косу закрутила в узел и пришила грубыми черными шпильками. Вместе с новой одеждой и внешностью облик получился необычайно солидным, вполне подходящим переводчице. Правда, сама я видела собственное лицо через морок, который для остальных был непроницаем. Почти для всех. Надеюсь, что не встречу более сильного мага, способного распознать обман.

Мое пальто и гимназическая форма заняли место на шкафу под отводом глаз. Если туда никто не полезет, плетение должно проработать около месяца. По-хорошему, надо куда-нибудь утащить и сжечь. Но нет времени, а вот вероятность, что это действие засекут, напротив, есть. Так что оставить здесь надежнее.

Кухарка и горничная так и продолжали болтать. Наверное, традиция у них такая: как уходит Владимир Викентьевич из дому, так они за чай садятся и жалуются друг другу на горькую женскую долю. Сейчас явно обсуждалось что-то берущее за душу: горничная дрожащим голосом что-то рассказывала увлеченно слушающей кухарке, которая не только сопела в такт рассказу, но даже сочувственно всхлинула. Но останавливаться и слушать я, разумеется, не стала, а тихо прикрыла за собой дверь черного хода. Прошла пару кварталов, завернула за угол, сняла отвод глаз, оставив только ту его часть, что отвечала за запахи, и свернула опять на центральную улицу.

Несмотря на то что увесистый саквояж оттягивал руки, хотелось бежать вприпрыжку. Я заставляла себя идти не столько медленно, сколько уверенно, хотя внутри все сжималось от страха. Вдруг мисс Мэнниг за ночь передумала

или Песцов нашел другого переводчика? Почти все свои деньги я потратила на новую одежду. Можно сказать, поставила все на кон, и даже думать не хочу, что буду делать, если проиграю. Я не проиграю, потому что не имею на это права.

Швейцар важно раскрыл передо мной дверь, и я оказалась в холле гостиницы. Мисс Мэннинг пока не было, но Песцов уже был, сидел на диванчике и скучающе изучал картины на стенах. Пальто он небрежно распахнул, но не снял. Надеется на пунктуальность своей дивы?

Делая вид, что я понятия не имею, кто он, я подошла к портье и поинтересовалась мисс Мэннинг.

— Она вот-вот спустится, — ответил тот. — Вон тот господин ее тоже ждет.

Я повернулась и встретилась взглядом с Песцовым. Свой отводить не стала. Напротив, попыталась улыбнуться как можно доброжелательней, скопировав Грызельду в хорошем настроении, и подошла к нему. Он вставать не стал, разом оценив и возраст, и финансовое состояние, и спросил этот настороженно:

— Вы та самая переводчица, о которой меня предупреждала мисс Мэннинг?

— Именно так, господин?..

— Песцов, — кивнул он. — Дмитрий Валерьевич.

— Анна Дмитриевна. — Руку я протягивать не стала. Что-то мне подсказывало, что она так и повиснет в воздухе. — Павлова.

— Так вот, Анна Дмитриевна, — вальяжно сказал он, — переводчика я не нашел за столь короткий срок, поэтому выставляю вас сразу не буду.

— У меня договор с мисс Мэннинг, — напомнила я.

— Мисс Мэннинг плачу я, а значит, я и решаю, кто с ней будет работать, — жестко бросил он. — Вы появились необычайно вовремя, и это мне кажется весьма подозрительным.

— Уверяю вас, наша встреча с мисс Мэннинг была случайной, — возразила я.

— Нет лучше случайности, чем хорошо запланированная, не так ли? — Он прищурил глаза, нехорошо так, подо-

зрительно хищно прищурил. — Учтите, милочка, вам меня не подловить.

— Что вы имеете в виду? — опешила я.

— Вы прекрасно понимаете, — фыркнул он. — Будет она мне тут притворяться. Вы же от Рысьиных?

— С чего вы взяли?

Выверты его воображения скорее пугали, чем радовали.

— С разговора с Фаиной Алексеевной, — пояснил Песцов. — Она меня предупреждала, что без присмотра не оставит. Я же не идиот. Два и два сложить много ума не надо. Так что вы здесь долго не проработаете. Более того, я прямо сейчас попрошу мисс Мэннинг, чтобы она разорвала ваш договор.

— Но мне нужно это место, — почти умоляюще сказала я. — Что я могу сделать, чтобы избавить вас от подозрений по отношению ко мне?

— Готовы поклясться, что не имеете отношения к Рысьиным? Правильно поклясться, я имею в виду, а не просто сотрясти воздух словесами.

Я не чувствовала себя частью рысьинского клана, но, боюсь, попробуй я поклясться, местные боги меня точно как-нибудь да накажут. Нет уж, обойдемся без формальностей.

— Разумеется, нет, — попыталась увильнуть я. — Мало ли кто из моих предков мог быть из них?

Например, отец. Или бабушка. Да и сама я, как ни крути, Рысьина.

— Вот поэтому вы вылетите при первой возможности с места при мисс Мэннинг, — хищно осклабился Песцов.

— Возможно, нам удастся договориться как-то по-другому, без клятвы? — предложила я. — Клятва — вещь весьма опасная.

— По-другому? — Он переплел пальцы и задумчиво на меня посмотрел. — И во сколько вы оцениваете это самое «по-другому»?

— Это не мне оценивать, а вам.

— То есть я выплачиваю вам некоторую сумму, а вы сообщаете Рысьиной то, что я вам скажу, я вас правильно понял?

— Если она спросит, — поставила я встречное условие.

Все-таки бегать за бабушкой и рассказывать ей сказки про безупречный песцовский облик я не собиралась, пусть я и виновата в том, что этот облик пошел трещинами в глазах моей пожилой родственницы. А вот деньги я возьму, не столько потому, что они мне жизненно необходимы, сколько потому, что в противном случае Песцов меня непременно выживет или даже забудет где-нибудь в глуши. А мне этого не нужно. Как ни крути, но мисс Мэннинг на несколько месяцев — идеальное прикрытие.

... ГЛАВА 2 ...

Обещанные Песцовым сани на деле оказались возком — этакой дорожной каретой, поставленной на полозья и шустро катившейся по снегу. В возке ехали мы вчетвером: мисс Мэннинг со своей горничной, Песцов и я. Маленькие окна пропускали света не так уж и много, и внутри царил полумрак, в котором певица уже не отличалась от своего изображения на афишах и выглядела юной и красивой. Песцов распускал перед ней хвост, как будто был из рода Павлиновых, но при этом пытаюсь выразительно игнорировать меня. Второе получалось у него плохо, поскольку сидел он напротив и я, вне своего желания, постоянно была у него перед глазами, а стоило ему остановиться на мне взгляд, как на его лице появлялась раздосадованность. Наверняка бедолагу изнутри жгло сожаление о наспех всученных мне деньгах и он размышлял, насколько удачным окажется вложение. Не получится ли так, что я и его ограблю, и Рысьиной выложу все как есть? Поэтому он осторожничал, не позволяя себе вольностей в отношении мисс Мэннинг даже в разговоре.

В моих услугах пока не нуждались, поскольку Песцов болтал по-английски свободно. Наверное, в его гимназии был упор не на те языки, что в моей. Или его родители нанимали учителя. Или он сам настолько часто приглашал артисток из Англии, что волей-неволей выучил язык почти в совершенстве. В любом случае меня к общению не привлекали, поэ-

тому я могла лишь прислушиваться к их беседе и смотреть через крошечное окошко на бескрайнюю белую простыню, изредка протыкавшуюся иголками деревьев. Иногда вдали чернели или зеленели заплатки — в зависимости от того, лиственные или хвойные деревья там были. Моя рысь заинтересованно принюхивалась, мечтая о прогулке по мягкому белому снегу. Но еще она и чутко прислушивалась к шумам снаружи. До сих пор не верилось, что удалось выбраться из Ильинска, оставив с носом любящую бабушку. Конечно, это была еще не победа, а лишь шагок к ней. Маленький шагок, крошечный, почти незаметный.

И свобода относительная. К мисс Мэннинг я пока привязана договором, поэтому заниматься тем, чем хочу, не могу, даже оборачиваться в ближайшее время придется только за закрытыми дверями и под кучей зашит. Не дай бог, учует кто-то! Вон как Песцов подозрительно водит носом. Или это оттого, что воздух здесь уже спертый? Невыносимо хотелось выбраться наружу: в возке было душно, жарко и все пропахло тяжелыми духами мисс Мэннинг, которые здорово били по обострившемуся обонянию.

— Что-то вы, Анна Дмитриевна, приуныли, — внезапно сказал Песцов.

— Скучно, — пояснила я, недоумевая, чего ему от меня понадобилось. — Я ничем не занята, а пейзаж однообразный.

Мисс Мэннинг и ее горничная переводили взгляд с меня на Песцова. Певичка казалась удивленной. Наверняка тем, что в ее присутствии говорят не с ней, да еще и на языке, ей непонятном.

— Дмитрий, о чем вы говорите? — не выдержала она.

— Спросил у вашей переводчицы, почему ее лицо напоминает прокисшее тесто, — рассмеялся Песцов. — Она ответила, что не привыкла сидеть без дела.

— Пусть не переживает. Еще успеет охрипнуть, — успокоенно сказала мисс Мэннинг. — Не обижайте Анну, пожалуйста. Если она из-за вас уйдет, я тоже уеду, имейте в виду.

— Филиппа, только не говорите, что вы успели к ней привязаться, — удивился Песцов.